

Пусть будет жизнь такою, как теперь

Но я не прокричу: «О, жизнь,
ты мне вконец осточертела!» –
ведь остаётся правой мысль,
что выше всякого предела
согласье вновь и вновь страдать
на этом свете, чем с червями
о пользе смерти рассуждать –
в слепых камнях меж корнями!..

Не мучайся! Я впредь не буду
ни песни петь, ни слёзы лить.
Но глаз зелёных изумруды
мне даже в смерти не забыть.

Они искрятся каждой гранью!..
К себе зовут, к себе манят!
И потому я звёздной ранью
так страстно нежностью объят.

И только лишь, собравши волю,
вдруг не врываюсь я к тебе:
ну хоть пытай до жуткой боли,
но будь со мною по судьбе!

Но вновь надменна и сурова,
ты вся оделась, как в броню,
в миру, где ничего родного,
где чувства гибнут на корню.

И я уже лет сто, пожалуй,
всей жизнью не взорву его.
Какая боль! Какая жалость!
Как будто всё в тебе мертво!

Со всей упругостью вершин
подпёрли кедры неба синь,
златящуюся, словно просо.
А там, за речкой, на лугах
цветёт полынь, гнездится птах
и пчёлы щедро меконосят.

И это всё любимый край,
что не сменю я ни на рай,
ни на богатство, ни на славу.
И, может, потому душой
за верность вечности самой
исполнюсь святости по праву.

И пусть за осенью зима
с морозом грозным весьма
приходит вечною дорогой..
Случись чего, зарююсь в снег,
как будто в соболиный мех, –
считай, за пазухой у Бога...

Любовь к отеческой местам,
моей души высокий храм,
позволит праведно сказать:
«Где я родился по весне,
там и сгодиться смог вполне,
чтоб мог достойно умирать».

Я для любви пришёл из сна –
и в сон уйду, как ни досадно!
Ну словно попрошу спяна:
смерть, забери меня обратно...

Но Боже мой, какое счастье,
что в тьме-несчастье вижу свет..
Как будто жизнь открыта настезь –
и в сердце слёз и боли нет!..

Вдруг я словно попал в пургу
в тополином, зелёном парке..
Будто воздух настолько жалко –
что его вдохнуть не могу...

Мне б на Север, в родную даль,
чтобы дышать настоящим снегом,
и тогда лишь бороться с небом,
когда счастья совсем не жаль.

Только я не хочу ни спорить,
ни браниться, ни душу рвать..
Мне бы только тебя миловать, –
да тонуть в твоих синих озёрах...

И алкать их заветное пламя,
и гореть в нём, да так, чтоб выс
голубела – и делалась жизнь
лишь светлей и родней с годами.

Я романтик, в чьём сердце грусть –
по туманам, лесам и долам..
И в жару с тоской весёлой
из криницы живой напьюсь.

Нет, не зря тополиный пух
закружил спозаранку в парке, –
показался он мне подарком
и спасеньем от всех прорух....

Каждый день подобен чёрной смерти:
лучше бы совсем, совсем не жить, –
так устал в крошечной круговерти
бессердечья, подлости и лжи.

Вкруг меня снуют пустые лица!
Только одинок я в пух и прах!
И в моих глазах навзрыд таится
за грядущий век безмерный страх.

Песнь моя, любовь моя, ну что же
происходит в горький час со мной!
Словно грянул гром над бездорожьем –
и я стал как будто не живой...

Но я тот же самый, что когда-то
верил в жизнь и утверждал любовь.
Просто страсть как злобны супостаты,
что у власти оказались вновь.

Много их!.. Но будет ещё больше,
словно в наказание за грех,
что согласны жить не только горше,
но и западло – из века в век...

Монолог

Жизнь мне досталась понарошку,
пускай, о, время! Не без слёз.
Как будто снег занёс дорожку,
и напрочь застудил мороз.

Но в самом деле-то открылась
мне навсегда такая ширь,
что светом звёздным озарилась,
что звать по древнему Сибирь.

Вот где возможность замахнуться
на жизнь, в которой смерти нет.
О ней не зря стихи поются
уже, считай, аж сотни лет.

Я, вскормлен молоком кобыльим,
как сталь, на стуже закалён,

решился, чтоб в сказанья-были
был честь по чести занесён...

Для этого с тайгой сражался,
вершил до «белых мух» стога,
и на друзей не обижался,
и зряшным не считал врага.

И хоть кого теперь спросите,
все скажут: светом польхал
без страха в грозном зените, –
поэтом громоносным стал.

Жизнь прожита, а, может, только
лишь начинается, Бог весть.
Но если мне ещё не горько,
то сил моих вовек не счесть!..

Какой-то, видно, смелый дрозд
поёт на счастье в кроне старой.
Но как бы плакать не пришлось
от стужи грозовой и ярой.

Добро бы дождь всё лил и лил,
а то ведь валит снег сурово,
вот-вот и ветер, полный сил,
слетит с небес зело свинцовых.

Дрозда, конечно, будет жаль..
А мне, прибывшему за солнцем,
как в радость обратить печаль,
что омрачает жизнь до донца?

А как же в ближнем прошлом жил?
Да, то на воле, но на водке,
и аж до слёз казался мил,
причём, ответно свет-молодке.

Любовь, увя, сошла на нет,
и тяжко пить в страх надоело,
лишь воля, несмотря, что сед,
хранит меня порывом смелым.

Но к ней не обращусь теперь, –
управлюсь и с морозом песней.
Нет на земле таких потерь,
чтоб посуровел свет небесный.

В раковины моих ушей залетает
утренний ветер,
рождая шум,
схожий с тяжёлым рокотом моря..
И видится пляж,
где песок золотисто-светел,
где байдарка, на которой поплыву скоро...

Среди волн, вздымающихся на дыбы,
как кони,
меня наполняет не страх,
а яркое чувство отваги.
Будто я рождён, выходя из одной погони,
попадать в другую от смерти
всего лишь в шаге.

А ты, прижимая подол
к своим ногам загорелым,
за жизнь мою грешную
боишься до слёз горячих,
и молишь,
чтоб я избрал поспокойнее дело, –
иначе в крутых волнах
потерплю неудачу...

С тревогой твоей я до конца, моя дорогая..
но только в борьбе, хотя бы с самим собою,
смогу я в любви душой гореть не сгорая,
как солнечный луч над морем
порой грозовою.

Как зло ни устал от тризн,
от горького одиночества, –
пусть продолжится жизнь, –
хочется или не хочется...

Не будет сильнее грусть
ну и, конечно, счастье, –
в страстном полёте чувств любви,
распахнутой настезь!

Я к ней иду сквозь мороз,
сменивший осенние ливни.
О, Боже, хоть светом звёзд,
в суровом пути помоги мне.

Но лишь на себя самого
надеюсь я вдохновенно!
Пусть будет мне нелегко –
от злобы постыдно гневной.

Но я в ответе за жизнь,
и жизнь за меня горюю –
взметнётся в звёздную высь,
не зря я бессмертья стою...

В жизни многое из плохого
почему-то слагалось в стихи..
Значит, каждое верное слово
подтверждало наши грехи.

Ах, какое печальное дело, –
ведь его не избыть нам вовек.
Словно вечность оцепенела –
и засыпал нас мёрзлый снег...

Дождь хлещет истоиво, как из ведра,
стучит и стучит в глухое оконце.
Но как мне хочется, чтобы ветра
вкатили на небо горячее солнце!

Немного осталось до осени дней,
считай, до морозов,
поскольку с ними –
она и зайвится в одну из ночей,
когда вдруг твоё мне приснится имя...

Разлука бурей к нам ворвалась,
лишила покоя... да что там – счастья..
Как будто в этой жизни для нас
закончилось время любви и участия.

К чёрту печаль! Вообще наплевать
на всё, что никак не сбывается что-то..
Заведу «Беларусь» да начну поднимать
зябь после щедрого зерно-молота!

Так увлекуюсь вдохновенным трудом,
что и забуду о солнце лучистом,
и, может, твой образ вместе со своим
время затянет туманом росистым.

И глухая тоска отступит, как степь..
И покажется: нету дождя сегодня..
Отцовское поле! Души моей крепь!
Ты мне навеки помощь Господня!

Зной ослабел, но не настолько, чтобы
дышалось вдохновенно во всю грудь..
Но это не рождает в сердце злобы,
не говорит: всё светлое забудь!..

Пусть нелегко сложилась жизнь сегодня..
Но с неба манны я не ждал вовек,
поскольку знаю, что за дар Господний –
не в силах расплатиться человек...

Верьте мне или не верьте,
но в угрюмой круговерти
я себе не враг, не брат,
ибо, ох, как напиваюсь, –
будто с жизнью враз прощаюсь,
хоть и без того я клят...

Только выживать-то надо
в стуже, в вьюге, в снегопаде,
ну а летом в знойный гнёт!
Это трудно, даже страшно,
будто в драке рукопашной,
где ручьями кровь течёт!

И до хруста стиснув зубы,
я не то чтоб дико, грубо,
но с решимостью прямой,
как с похмелья мне ни худо,
жизнь творю каким-то чудом,
веря в Бога всей душой.